

ШОКОТЕРАПИЯ

Наш корреспондент беседует с драматургом Виктором МЕРЕЖКО

— Виктор Иванович, миллионы зрителей знают вас как автора пьес «Я — женщина», «Крик», «Инфанты», «Женский стол в охотничьем зале», сценариев популярных фильмов «Полеты во сне и наяву», «Прости», «Вас ожидает гражданка Никанорова», «Забавы молодых»... И вот вы появились на телеэкране как один из авторов и ведущих острой публицистической передачи «Шок». Что вас к этому побудило?

— Нравственные болезни общества — равнодушие, социальная инертность, потребительство. «Шок» — это как удар набатного колокола, вызывающий к совести, гражданскому самосознанию, чувству собственного достоинства человека. Ведь не секрет, что у многих из нас эти чувства притупились, а это симптомы опасной болезни, проявившиеся еще в 30-е годы, когда расцвело административное, командный стиль, когда несогласие с мнением «большинства» вело к трагическим последствиям. Это при полном безгласии и пассивности привело к тому, что каждый, кто чувствовал себя хозяином положения, относился к массе с позиций своего превосходства, обладал, так сказать, монополией на истину. Отсюда — повсеместно распространявшееся хамство, пренебрежительное отношение к мало-мальски зависимым от тебя людям. Вспомните, сколько раз вы слышали от продавца: «Не нравится — не берите», сколько унижений переносили в гостиничных холлах, перед внушительной фигурой швейцара в кафе или ресторане...

А уж облеченные властью так называемые официальные лица!.. Очень многие из них считают, что, чем выше они стоят, тем больше у них прав попирают достоинство других.

Вот ты прилетаешь из-за границы. Хмурые, каменные лица пограничников: «Из какого рейса?»

А между тем все нужные бумаги лежат перед ними. Тебя обводят подозрительным взглядом. И ты начинаешь нервничать, будто в чем-то виновен, начинаешь думать, что у тебя борода приклеена, волосы перекрашены, и, что самое ужасное, ты начинаешь вдруг, повторяю, не будучи ни в чем виновным, заискивать.

Как будто я не сын своей Родины, не домой возвращаюсь. За рубежом, кстати, нигде не видел, чтобы иностранных гостей встречали солдаты.

Но таможенный досмотр еще хуже. Нигде не досматривают тебя так, как у нас. Вот в вагон входят польские пограничники: «Дзень добрый, панове!» Улыбка, приветливый взгляд, учтивые манеры. Какой контраст с нашими, которые с жесткими лицами командуют, забыв о приветствии: «Выйти из купе!» И переворачивают чемоданы в поисках «запретного». Смотрят на тебя подозрительно, заранее обвиняя во всех смертных грехах, как на агента иностранных разведок, контрабандиста, спекулянта, развратника, стремящегося провезти порнофильмы, словом, как на классового врага.

— Чувство собственного достоинства так же, как и другие чувства, воспитывается с детства. Доброжелательным, уважительным отношением к личности ребенка и в семье, и в школе. В школе у нас, к великому сожалению, пока процветает тот же административно-командный стиль, что и везде. Остается семья...

— В подавляющем большинстве семей воспитывать,

как должно, нет возможности, ибо основной вклад в этот процесс вносит мать, бывшая во все века светочем красоты, доброты, беззаветной любви.

У нас же женщина-мать в основном производитель материальных, а не духовных благ. И отношение к ней соответствующее — как к категории рабочей силы.

Несколько дней ходил под гнетущим впечатлением письма в «Комсомольскую правду». Пишет почти девочка: «Мне только 18 лет, а ему (ребенку) нет еще и годика, но я его ненавижу. Он орет, пищит, раздражает меня. Они не хотят у меня его забрать, а я его убью когда-нибудь». Этот манифест отчаяния — симптом нравственной деградации. Почему материнство перестало быть радостью, воспринимается как тяжкая обуза?

Да потому, что дочь, растущая в семье, видит свою мать не милой, ласковой, красиво одетой, готовой рассказать сказку, посочувствовать детскому горю. Она видит ее вечно усталой, обремененной чудовищными сумками, в поту, в раздражении от очередей в магазинах, от того, что на работе нелады, муж выпивает... И дочь не хочет для себя этой доли, куда лучше пожить для себя. Оттого и детей оставляют все чаще. И покуда мы не изменим к лучшему положение женщины-матери в обществе, от печальных и далеко идущих последствий этого мы не избавимся.

— И одно из них — дефицит доброты, милосердия. Я знаю, что милосердие стало темой одного из выпусков телепередачи «Шок». Как нам повернуть людей, особенно молодых, лицом к нуждам живущих рядом слабых, больных, одиноких?

— То, что я предложу, для некоторых тоже будет шоком.

На Западе тех молодых людей, которые не хотят служить в армии, направляют на эти два года медбратом в больницу. То есть защита отечества приравнивается там к защите больных и слабых. А почему бы и у нас так не сделать? Это, кстати, можно было бы совместить и с военной подготовкой. Пусть при виде немоции, страданий сердца молодых людей откроются для милосердия, человечности, пусть родится и укрепится стремление облегчить участь другого, помочь ему. По-моему, это не менее важно, чем научиться стрелять и ходить в строк.

— А мы воспитываем парagraфом, циркуляром, инструкцией...

— Да, одними лозунгами, голыми схемами не сформируешь высокую нравственность, человека-патриота, глубоко чтящего достоинство своей страны. Патриот начинается с любви к своему дому, двору, улице, городу...

У нас же фасады домов, улицы, да и целые города безлики, как лозунги. Нет своеобразия, того неповторимого штриха, за который могло бы зацепиться сознание. Да что говорить, даже День рождения страны и тот из года в год проходит по одной схеме. Ну парад — это традиция, принятая во всех странах. А вот демонстрация повсеместно проходит заорганизованно, по спискам. Давай, вперед, бегом.

А ведь в каждом городе, в каждом селе есть свои замечательные историко-революционные и трудовые традиции. Так почему бы их жителям не придумать что-то свое, необычное, незаурядное.

— Вы хотите сказать, что личное достоинство человека неотделимо от сознания им своего достоинства граждани-на?

— Конечно. Не может человек с развитым чувством собственного достоинства безучастно смотреть на безобразия, творящиеся вокруг него. Он непременно включится в процесс очищения многих основополагающих нравственных понятий и принципов от тех конъюнктурных наслоений, которые зачастую их искажали до неузнаваемости.

Прошлым летом плыл я по загубленной нами Волге — некогда великой русской реке, одному из символов Отечества. Всем известно, что Волга загажена, что ее надо спасать сейчас, немедленно, однако сброс в реку отходов, сточных вод продолжается. Специальных суденышек-мусорщиков очень мало. И по всей Волге от Москвы до Астрахани существуют пять официальных пунктов сброса отходов. А еще по дороге с теплоходов идут за борт остатки пищи. Я спросил капитана, сколько они выкидывают в день, оказалось, 300—400 килограммов. А если прямо в бачках передавать за небольшую плату эти отходы колхозам, совхозам для откорма свиней? Причалить, полные бачки — на берег, пустые — на судно. Выгодно, удобно. Оказалось, предлагали уже прибрежным хозяйствам так делать. Те отказались, не надо им даже того, что само идет в руки.

В Волгограде экскурсовод бодрым голосом нам объявила, что город славен не только Сталинградской битвой, с которой начался перелом в Великой Отечественной войне, но и... самым большим количеством памятников В. И. Ленину — тридцатью! Я ужаснулся.

В моем понимании, чтоб в городе поставить единственный памятник великому вождю, нужно много трудиться, хорошо решать социально-бытовые проблемы — словом, надо право на памятник заслужить. Нужно, чтобы решение его воздвигнуть было общим решением всех жителей города или села. За такое право надо бороться. А мы тиражируем святой образ, да еще ставим это себе в заслугу. Бездумно поставленные памятники дискредитируют саму идею. Бюсты Ленина ставят где угодно, например, в ДЭЗ, жилыцы которой постоянно страдают от протечек и отсутствия горячей воды...

— Мы с вами затронули столько болезненных точек, что, пожалуй, иные читатели могут обвинить нас в негативном отношении к действительности. Но ведь обсуждать вслух наболевшее, доискиваться до его причин — это и есть самая целительная шоко-терапия, за которую вы ратуете. А как все-таки лечить нравственную болезнь, как возрождать чувство достоинства и в человеке, и в народе?

— Правдой. Надо говорить ее не только о временах культуры личности или застоя, но и о сегодняшнем дне.

Вы посмотрите, стоило повеять свежему ветру, ввести принцип гласности в социальный обиход, как общество воспрянуло, и в первую очередь молодежь. Многие декларируют свои симпатии, нося майки с надписями: «Перестройка — да», «Правда, гласность, Горбачев». Не упустить бы момент, повести людей за собой.

Роль настоящих представителей творческой интеллигенции в этом процессе мне видится в том, чтобы отложить лет на пять в сторону все, чем жил, — романы, поэмы, сценарии, пьесы и бросить свой талант на сегодняшние гражданские нужды. Разъяснять, агитировать за перестройку.

Беседу вела
Л. НЕКРАСОВА.